

возможности предъявления для опознания уникальных вещей в единственном числе, по аналогии с правилами опознания трупа¹.

Таким образом, на наш взгляд, приведенные выше обстоятельства позволяют сделать вывод, что особо ценные предметы и документы вообще не должны выступать в качестве объекта опознания в процессе расследования анализируемых хищений.

Е. В. Смахтин

ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Исторически «рождение» криминалистики обусловлено в том числе и тем, что ученые в области уголовного права и процесса, исследуя такой объект познания как преступная деятельность, начали выявлять «ростки» знаний, которые к предметам ведения этих наук можно было отнести лишь условно. В результате эти разрозненные сведения были обобщены Г. Гроссом, а новая отрасль научных знаний получила название криминалистики. При этом австрийским исследователем сведения о преступниках рассматривались в самостоятельных разделах особенной части его руководства для судебных следователей². Последовательность изложения криминалистических знаний была воспринята русскими учеными-криминалистами, а затем и в РСФСР³.

Однако, в последующем, в 30-е гг. прошлого столетия ситуация изменилась. Криминалистические сведения о преступлениях и преступниках структурно не выделялись и излагались в таком разделе как методика расследования отдельных видов преступлений. Наглядным подтверждением этому служит изданный в 1935–1936 гг. первый

¹ Приданов С. А., Щерба С. П. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. – М., 2002. – С. 220.

² Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. – М., 2002. – С. 346-514.

³ См., напр.: Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. – Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. – М., 2003. – С. 229-268.

советский учебник по криминалистике¹. При этом структура излагаемого материала принципиальных изменений не претерпела и в современных учебниках. В настоящее время большинство из них, как правило, состоит из четырех разделов: общие теоретические положения криминалистики, криминалистическая техника, тактика и методика. Причем, преступное поведение, преступная деятельность, как и ранее, рассматривается в четвертом разделе, посвященном криминалистическим методикам.

Рассматривая общетеоретические вопросы, Р. С. Белкин отмечал, что «преступление, как элемент, часть предмета криминалистической науки считается той областью объективной действительности, *познание которой является фундаментом* для всей системы криминалистики». При этом криминалистика акцентирует свое внимание на *функциональной стороне противоправной деятельности*, на той системе отношений и действий, которые образуют то, что нередко называют *механизмом преступления*².

Е. П. Ищенко считает, что специфическим предметом криминалистического изучения *преступного поведения, преступной деятельности* являются соответствующие закономерности связей и отношений между ее структурными элементами, влияющие на *механизм следообразования*, особенности его протекания³.

З. И. Кирсанов полагал, что «преступление не только социальное явление, но и материальный процесс, связанный с множеством других социальных и материальных процессов. Материальные процессы, происходящие при подготовке, совершении и сокрытии преступления, участвующие в этих процессах объекты и оставляемые ими следы, являются объектами научного познания криминалистики»⁴.

¹ Криминалистика. Кн. 1. Техника и тактика расследования преступлений. – М., 1935; Кн. 2. Методика расследования отдельных видов преступлений. – М., 1936. – С. 3-5.

² Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. – Т.1. Общая теория криминалистики. – М., 1997. – С. 116-117.

³ Криминалистика: Учебник для вузов / Под общ. ред. Е. П. Ищенко, А. Г. Филиппова; под ред. В. Д. Зеленского, Г. М. Меретукова. – М., 2006. – С. 19-20.

⁴ Кирсанов З. И. Теоретические основы криминалистики: Учебное пособие. – М., 1998. – С. 77-78.

Важным фактором, определяющим содержание механизма преступления, по мнению А. М. Кустова, являются также навыки и привычки преступника¹.

Н. П. Яблоков, определяя предмет изучения криминалистики в преступной деятельности, отметил, что в него входят «те черты, признаки и явления, в которых содержатся данные, необходимые для формирования криминалистического представления о соответствующем роде, виде преступления, т.е. о криминалистической их характеристике или криминалистической модели преступления. Вместе с тем изучаются особенности процесса отражения указанных черт и признаков вовне и в виде следов-последствий»².

Действительно, многие ученые-криминалисты считают, что значимые для науки признаки вида, группы, единичного преступления и черты преступника отражаются в криминалистической характеристике преступления. И научных исследований, посвященных разработке или уточнению криминалистической характеристики того или иного преступления, проводится чрезвычайно много. А добились ли мы улучшения в борьбе с преступностью благодаря подобным научным исследованиям? К сожалению, существенных положительных изменений в динамике борьбы с преступностью мы не наблюдаем. А по многим показателям можно смело утверждать, что преступность торжествует, несмотря на победные реляции руководителей правоохранительных органов. Представляется, что одной из причин подобного положения дел, является поверхностное исследование криминалистически значимых признаков преступной деятельности. При этом, содержащиеся в частных криминалистических методиках, предельно общие черты преступной деятельности остаются не востребованы практикой. Во-вторых, несмотря на то, что отдельные фундаментальные научные исследования в этом направлении проводятся, в учебной литературе они отражения не находят. Не доходят они и до «конечного потребителя» криминалистических рекомендаций — конкретного следователя.

¹ Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., Закон и право, 2008. – С. 28.

² Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2005. – С. 25-26.

Есть темы, которые предпочитают обходить стороной. О них все знают, но говорить как-то не принято. Такие моменты есть в любой сфере жизни. Не исключение и криминалистика, как отрасль научного знания. В связи с чрезвычайностью ситуации мы полагаем возможным нарушить некоторые запреты. «Любая теоретическая модель строится не на эмоциях, а на расчетах. Прочность ключевых узлов должна быть видна на уровне логики, раскрывающей ключевые моменты. Это как с чертежом самолета. Принцип подъема машины в воздух должен быть понятен не из пламенных речей конструктора, а из его расчетов. Не говорите громких слов. Покажите расчеты, из которых я увижу подъемную силу винта или крыла, и соглашусь с вашей логикой (или не соглашусь)»¹. Представляется, что в настоящее время в криминалистике имеется достаточное количество теоретических работ. Наши знания даже излишне теоретизированы, носят общий, зачастую неконкретный характер. А работ практической направленности, основанных на серьезном эмпирическом обобщении, содержащих подробный алгоритм деятельности, явно недостает. Чего уж греха таить, ведь до сих пор многие ученые частенько вспоминают работу Л. Г. Видонова² как образец для подражания. Тридцать лет прошло с тех пор. А много ли появилось подобных работ по другим преступлениям? Нам представляется, что в этом отношении мы явно недорабатываем, если хотите, отстаем от потребностей практики. Не зная преступника, с его сложным психологическим миром и мотивацией поведения, практически невозможно решать главную задачу криминалистики — содействие правоохранительным органам в противодействии преступности. Необходимы конкретные знания, прежде всего с учетом преступной специализации. Совершенно очевидно, что поведение и преступные навыки лица, совершившего карманную кражу, будут существенно отличаться от поведения и преступных навыков террориста.

На наш взгляд, на уровне уточнения и разработки частных криминалистических методик необходимо вернуться во времена И. Н. Якимова, изучая свойства личности преступника, его привычки, линию поведения, психологические особенности и т.п. с учетом его

¹ Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. – М., 2007. – С. 31.

² См., напр.: Видонов Л. Г. Криминалистическая характеристика убийств и система типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев. – Горький, 1978. – С. 5-27.

преступной специализации. Завершить эту мысль, вновь хотелось упоминанием о том, что фундаментальные монографические исследования, направленные на устранение упомянутого пробела, конечно имеются. Однако, представляется, что они не внедрены в практику деятельности правоохранительных органов, а это, безусловно, отрицательно сказывается на качестве расследования конкретных уголовных дел.

Мы полагаем, что следователь в ретроспективе познает единичное преступление и преступника по оставленным им следам (материальным и идеальным). Непосредственное соприкосновение с преступлением возможно только по оставленным материальным следам. В результате исследования следов появляется знание о механизме преступной деятельности и устанавливается «следовая картина» происшедшего. В ходе эмпирических научных обобщений учеными формируется типовая информационная модель преступной деятельности (криминалистическая характеристика), учитывающая, в том числе типологические особенности преступника, с учетом его преступной специализации. Затем определяются типовые версии, следственные ситуации, в результате выработки алгоритма деятельности следователя формируется частная криминалистическая методика расследования конкретных видов или групп преступлений. Полученные научные знания уточняются в ходе последующего обобщения следственной и судебной практики, выявления положительного опыта и ошибок в расследовании конкретных преступлений.

По сути, к раскрытию преступлений следственным путем, используя достижения криминалистики, приводят сведения о преступлении и преступнике, которые отразились в следовой картине происшедшего события. Следовательно, эта именно та информация, которая нуждается в научном осмыслении, именно она составляет суть предмета криминалистики и криминалистических научных исследований.

Проведенное нами обобщение практики показало, что на механизм следообразования влияют поведение преступника до, в момент и после совершения преступления; преступные навыки, привычки, преступная специализация.

При этом, очевидно, что отмеченные особенности преступника изучаются не только криминалистами, но и учеными в области уго-

ловно-процессуального права, криминологии, теории оперативно-розыскной деятельности и др.

В последнее время стали все чаще говорить и писать о системных исследованиях, в результате которых создается некий конечный научный продукт, так необходимый сегодня практике. Не оспаривая этот аксиоматичный тезис, подчеркнем, что при проведении таких комплексных исследований, направленных на повышение эффективности противодействия преступности, чрезвычайно важно разграничить предметные сферы уголовно-правовых наук при изучении такого объекта познания как преступная деятельность.

Конечно, писать об этом легко. Гораздо труднее разграничить предметы ведения реально, в ходе эмпирического исследования и теоретического осмысления полученных результатов. Мы понимаем, что это не такая простая задача. Но решать ее нужно.

Одним из путей решения рассматриваемой проблемы, по мнению автора, является определение критериев для разграничения предмета криминалистики и других уголовно-правовых наук. На наш взгляд, одним из таких критериев могут являться цель и задача познания. Такой целью в криминалистике предлагаем считать воспроизведение «следовой картины» происшедшего события, а, соответственно, задачей — обнаружение и работа с материальными и идеальными следами-последствиями преступления.

Подобный подход позволяет определить *криминалистику* как науку о системе принципов и методов познания материальных и идеальных следов в механизме преступной и криминалистической деятельности; которая обусловлена возникающими правоотношениями и направлена на оказание содействия установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, криминалистическими приемами и средствами.

Определяя таким образом криминалистику, мы исходим из того, что наибольшее практическое значение имеет научное обоснование перехода от познания материальных и идеальных следов в механизме преступной деятельности, используя уголовно-процессуальную форму, к уголовно-правовой характеристике преступления как совокупности элементов состава, позволяющей правильно квалифицировать конкретное деяние.

Убеждены, что уточнение предметной сферы уголовно-правовых наук при изучении такого объекта познания как преступная

деятельность позволит повысить качество проводимых научных исследований и эффективность правоприменительной деятельности.